

Перед лицом красного Левиафана

Константин Ковырзин

Уже с первых дней Февральской революции тема взаимоотношений Православной Церкви и государства и перспективы их развития в новой России стала предметом церковно-общественной дискуссии. Сразу после Октябрьского переворота большевики сами задали вектор дальнейшего развития этих отношений, которого новая власть придерживалась все годы существования советского государства. Как в первый год новой власти формировались правовые основы церковно-государственных отношений, чем руководствовались в этом процессе государство и какую позицию занимала Церковь?

«Вопрос об отношении Церкви к государству сложный, многосторонний и ответственный, и к решению его должна отнестись с большим вниманием не только сама Церковь, но вся гражданская Россия, ибо это коренной вопрос нашего государственного строительства», — указывал философ и видный общественный деятель, член Поместного Собора, а впоследствии протоиерей Сергей Булгаков¹. Состоявшиеся весной-летом 1917 года многочисленные собрания и съезды духовенства и мирян высказались против популярного в то время лозунга отделения Церкви от государства, но вместе с тем подчеркнули важность освобождения Церкви от стеснительной государственной опеки. Эти идеи разделяло и большинство членов Поместного Собора, открывшегося 15 августа в Москве.

Союз или разделение?

На рассмотрение Собора поступил законопроект о правовом положении Православной Церкви, подготовленный летом 1917 года Предсоборным Советом с учетом основных требований церковной общественности. Документ был незначительно переработан в профильном отделе Собора под руководством архиепископа

Новгородского Арсения (Стадницкого), а затем прошел обсуждение в пленарных соборных заседаниях 15, 16 и 17 ноября. Итогом этой работы стало принятое 2 декабря соборное определение о правовом положении Православной Российской Церкви. В соответствии с ним Церковь должна была занимать первое среди других вероисповеданий публично-правовое положение в государстве и пользоваться его финансированием. Собор отстаивал за церковными учреждениями право юридического лица и право владения собственностью. Соборным определением также предполагалась обязательность изучения Закона Божия в низших, средних и высших учебных заведениях для учащихся православного вероисповедания². Следует отметить, что в рассматриваемый исторический период подобные пожелания не выглядели анахронизмом, поскольку опирались не только на многовековую историческую связь Православной Церкви и государства в России, но и имели прецеденты в зарубежном законодательстве.

Своеобразным комментарием к принятому Собором определению стала составленная С. Булгаковым декларация «Об отношении Церкви к государству». В ней он отстаивал мысль, что не может быть положено предела духовному влиянию Церкви. Поэтому Булгаков отрицательно оценивал основанную на признании христианской веры «частным» делом отдельной личности идею о полном отделении Церкви от государства, «т. е. о не только внешнем, но и внутреннем отторжении всей государственности от всякого влияния церковного». По словам Булгакова, «такое требование подобно пожеланию, чтобы солнце не светило, а огонь не согревал». В документе было сказано, что при определении «внутреннего» отношения между Церковью и государством руководящим началом для христианской совести должно быть «не взаимное отчуждение и расхождение обеих стихий, но,

напротив, их наибольшее сближение чрез внутреннее влияние церковной стихии в области государственной, в каких бы внешних формах это ни выражалось»³. И хотя документ не обсуждался на пленарном собрании Собора и не получил соборной санкции, сформулированные в нем идеи выражали настроения большинства соборян и в целом церковной общественности.

На пути к отделению Церкви от государства

Обсуждение и принятие соборного определения происходило после захвата власти в стране большевиками, не скрывавшими враждебного отношения к религии и Церкви. Несмотря на это, Собор рассчитывал на реализацию своего проекта, и первые законодательные мероприя-

тия советской власти, которые нарушали имущественные права Церкви, в частности, Декрет о земле, предусматривавший национализацию церковных и монастырских земель, не изменили принятой им линии. Многие соборные деятели разделяли распространенное в обществе мнение о политической анархии в стране и о временном и нелегитимном характере новой советской власти. В одном из ноябрьских соборных документов советское правительство именовалось «группой людей, силою оружия захвативших власть в Петрограде, Москве и некоторых других городах»⁴.

Именно поэтому церковное общество возлагало большие надежды на предстоящее Учредительное собрание, в котором видело единственного правомочного выразителя воли народа

России. Ему Поместный Собор и адресовал свой проект. Выступая 6 ноября на соборном заседании, С. Булгаков заявил: «Законопроект выработывался именно в сознании того, что должно быть, в сознании нормального и достойного положения Церкви в России. Наши требования обращены к русскому народу через головы теперешних властей. Конечно, возможно наступление такого момента, когда Церковь должна будет анафематствовать государство. Но, без сомнения, этот момент еще не наступил»⁵. Следует заметить, что в октябре — ноябре 1917 года центральная советская власть избегала шагов,

ведение. 19 и 20 декабря были опубликованы декреты о расторжении брака и о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния, в соответствии с которыми церковный брак терял свое юридическое значение, а ведение актов гражданского состояния передавалось органам светской власти. 16 января 1918 года Народный комиссариат по военным делам упразднил институт военного духовенства. 20 января приказом Народного комиссариата государственного призрения была прекращена выдача средств на содержание церквей, часовен и совершение религиозных обрядов, а выдача содержания духо-

Патриарх Тихон совершает молебен на Красной площади. 22 мая 1918 г.

Крестный ход в защиту Церкви. Петроград. 1918 г.

направленных на явную конфронтацию с Православной Церковью. И это, очевидно, укрепляло уверенность многих членов Собора в том, что кардинальных и резких изменений положения Церкви в государстве до Учредительного собрания не последует.

Однако уже с середины декабря начал действовать принятый советским правительством ряд нормативно-правовых актов, которые вступали в противоречие с проектом правового положения Церкви в государстве, предложенным Собором. 11 декабря вышло постановление Народного комиссариата просвещения о передаче всех учебных заведений духовного ведомства в его

венству прекращалась с 1 марта. Одновременно представители власти на местах приступили к реквизиции церковного имущества.

Вплоть до мученичества

Но все это было лишь подготовительным этапом к принятию 20 января 1918 года Советом народных комиссаров Декрета о свободе совести, церковных и религиозных обществах, более известного как Декрет об отделении Церкви от государства и школы от Церкви. В нем декларировалась свобода совести и вероисповедания. Вместе с тем Декрет стал законодательной основой правительственной политики секуляри-

защиты государственной и общественной жизни и образовательной сферы, национализации всего церковного имущества и капиталов, лишения церковных организаций прав юридического лица и владения имуществом⁶. Вполне предсказуемо, что новый закон получил резкую отрицательную оценку Поместного Собора и широких кругов духовенства и верующих.

В принятом 25 января Собором постановлении подчеркивалось, что под предлогом отделения Церкви от государства Совет народных комиссаров «пытается сделать невозможным самое существование церквей, церковных учреждений

ности, говорилось: «Лучше кровь свою пролить и удостоиться венца мученического, чем допустить веру православную врагам на поругание»⁸. В развитие и дополнение соборных документов Патриарх Тихон и Священный Синод 15/28 февраля приняли постановление, которым предусматривалось создание при храмах, монастырях и духовных учебных заведениях союзов из прихожан, которые должны были защищать церковные святыни и имущество от посягательства. Постановление запрещало добровольную передачу духовенством и верующими церковного имущества. В случае нападения «грабителей

Кампания по изъятию церковных ценностей. 1922 г.

и духовенства». Собор охарактеризовал декрет как «злостное покушение на весь строй жизни Православной Церкви и акт открытого против нее гонения», подчеркнув, что «всякое участие как в издании сего враждебного Церкви узаконения, так и в попытках провести его в жизнь несовместимо с принадлежностью к Православной Церкви и навлекает на виновных кары вплоть до отлучения от Церкви»⁷. А 27 января Собор обратился к верующим с воззванием, в котором призвал их объединяться около своих храмов и пастырей, составлять союзы для защиты церковных святынь и отстаивать их вплоть до готовности к мученичеству. В воззвании, в част-

и захватчиков» следовало призывать на помощь народ набатным звоном и рассылкой гонцов. Если же «отобрание» имущества все-таки происходило, то необходимо было составить об этом акт за подписью свидетелей и опись отобранного имущества, указав поименно лиц, совершивших «отобрание»⁹.

«Силой веры и властного всенародного вопля»

До настоящего времени эти церковные документы являлись предметом критики некоторых их современников и историков, по мнению которых позиция Собора и высшей церковной вла-

сти неизбежно вынуждала духовенство и мирян оказывать противодействие власти, провоцируя последнюю на ответные репрессивные действия. Понять причины столь жесткой церковной позиции в отношении декрета и других последовавших за ним антицерковных законов и мероприятий советского правительства можно лишь с учетом ряда обстоятельств.

Во-первых, церковное общество, выразителем мнения которого был Собор, в массе своей не было готово к столь поспешной и радикальной ломке сложившихся ранее церковно-государственных отношений и насильственной секуляризации государства и школы. Церковное большинство в этот период придерживалось позиции, выраженной в уже упомянутом ранее соборном определении о правовом положении Православной Российской Церкви. Вплоть до конца своей деятельности в сентябре 1918 года Собор стоял на позиции принципиального неприятия советского законодательства о Церкви.

Не менее важно и другое. Члены Поместного Собора, а также широкие круги духовенства и мирян не признавали за советским правитель-

ством права проводить столь кардинальные реформы. «Основной вопрос об отделении Церкви от государства может быть разрешен лишь законно избранным всенародным представительством», — подчеркивалось в февральском постановлении Братства приходских советов Петрограда и епархии¹⁰.

Наконец, нельзя упускать из виду и то обстоятельство, что декрет обсуждался Собором под свежим впечатлением резонансных петроградских событий января 1918 года. Речь идет о реквизиции Синодальной типографии и попытке реквизиции Александро-Невской лавры, в ходе которых представители советской власти применили насилие в отношении верующих¹¹. В это же время в столице выступал с публичными антирелигиозными лекциями сотрудник Народного комиссариата юстиции присяжный поверенный И. А. Шпицберг. Он объявил, что будут изданы декреты о запрете Таинства причащения, «как колдовского действия», и о закрытии всех храмов¹². Разумеется, подобные заявления не имели отношения к реальным планам советского руководства, однако дезориентировали церковную

Новая книга
Владимира Легойды

«Церковь, возвышающая голос»

- С кем она — Церковь?
- С властью или оппозицией?
- С консерваторами или либералами?
- С богатыми или бедными?
- С кем и почему борется Церковь?

Заказывайте в книжной лавочке «Фомы»

lavka.foma.ru

А также ищите во всех книжных магазинах страны, включая крупнейшие интернет-магазины.

общественность, вызвав справедливое возмущение и усилив конфронтацию.

Несмотря на то что на Поместном Соборе прозвучали отдельные призывы к активному силовому противодействию советской антицерковной политике, они были отвергнуты соборным большинством, и рассмотренные выше документы не могут быть истолкованы в таком смысле. В них подразумевались формы мирного гражданского протеста. Впервые об этом предельно ясно сказал Патриарх Тихон в своем известном послании от 19 января 1918 года об анафематствовании творящих беззакония и гонителей веры и Церкви Православной, призвав паству противопоставить «силе смертоносного оружия врагов Церкви» «силу веры и властного всенародного вопля»¹³. Это весьма важно, если принять во внимание тот факт, что в начале 1918 года политическая обстановка в стране была для многих весьма неопределенной, в ряде регионов России зарождалось антибольшевистское движение, начиналась Гражданская война, исход которой в тот период был неясен. Высшая церковная власть и соборное большинство рассчитывали, что фактический бойкот Декрета об отделении Церкви от государства и массовый консолидированный протест значительной части православного населения вынудят советское руководство отказаться от намеченного им антицерковного политического курса.

Руководствуясь документами Собора и высшего церковного управления, духовенство и верующие отвечали на правительственные распоряжения в отношении Церкви крестными ходами и постановлениями с протестами против действий властей. Стоит учесть, что январский декрет страдал неопределенностью некоторых формулировок, допускавших различное толкование, и отсутствием детального и ясного законодательно регламентированного механизма практической реализации его положений. Это вполне объясняет тот факт, что его применение на местах привело к многочисленным нарушениям прав Церкви, насилиям в отношении духовенства и верующих. В феврале 1918 года были расстреляны крестные ходы в Харькове, Туле, Гжатске, Шацке и других местах. Едва ли не любое протестное выступление и даже чтение в храме посланий Патриарха и Собора могло

стать поводом к обвинению в контрреволюции и повлечь за собой арест, привлечение к судебной ответственности, тюремное заключение, в самом худшем случае — расстрел.

В поисках компромисса

В марте 1918 года для высшей церковной власти стала очевидной необходимость организации переговоров с представителями советского правительства, чтобы попытаться добиться отмены или пересмотра законов и распоряжений, ущемляющих права Церкви. С этой целью 5/18 марта была образована совместная делегация Поместного Собора и Совета объединенных приходов Москвы (ее возглавили видные церковно-общественные деятели А. Д. Самарин и Н. Д. Кузнецов). 14/27 марта члены делегации были приняты народными комиссарами Д. И. Курским, М. Т. Елизаровым и управляющим делами Совета народных комиссаров В. Д. Бонч-Бруевичем. Представители Церкви, выражая мнение православного населения России, передали требование об отмене всех правительственных распоряжений, «посягающих на жизнь и свободу народной веры», и вручили членам советского правительства соответствующее письменное заявление. В ходе состоявшихся переговоров народные комиссары заявили о невозможности отказа советского правительства от принципов отделения Церкви от государства и свободы совести, но вместе с тем признали «неясности и ошибки» январского декрета, «требующие разъяснения и исправления», а также просили информировать их о конкретных фактах нарушения прав Церкви и верующих. Они также выразили готовность далее взаимодействовать с представителями Православной Церкви¹⁴. Опираясь на многочисленные обращения духовенства и верующих с мест, члены соборной делегации настаивали на пересмотре пунктов январского декрета о недопущении преподавания религиозных вероучений во всех государственных, общественных и частных учебных заведениях (пункт 9), о лишении церковных и религиозных обществ права владеть собственностью и прав юридического лица (пункт 12) и о национализации церковных имуществ (пункт 13)¹⁵. Определенным результатом этого взаимодействия была

Константин Владимирович Ковырзин родился в 1983 г. Выпускник исторического факультета ПСТГУ (2005). Кандидат исторических наук (2011). Тема диссертации: «Российская Православная Церковь и поиски принципов церковно-государственных отношений после Февральской революции (март 1917 г. — январь 1918 г.)». С 2006 г. работает научным сотрудником ПСТГУ. Участник проектов научно-академического издания дневников митрополита Арсения (Стадницкого) и документов Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.

договоренность об участии представителей Православной Церкви в работе правительственной комиссии Народного комиссариата юстиции, в задачу которой входила подготовка разъяснительной инструкции к Декрету об отделении Церкви от государства. У высшей церковной власти и части членов Собора появилась надежда, что получится нормализовать отношения с новой властью и достичь приемлемого компромисса в церковно-государственных отношениях.

Однако вместо этого правительство продолжило свою антицерковную политику, которая выразилась в том числе и в отказе советского руководства учесть требования церковной общественности по изменению содержания январского декрета и привлечь к работе правительственной комиссии церковных представителей. С мая 1918 года проведение церковной политики было возложено на VIII «ликвидационный» отдел Народного комиссариата юстиции, который возглавил П. А. Красиков — один из самых непримиримых противников религии и Церкви среди большевистских партийных и государственных деятелей. По его мнению, важнейшая задача религиозной политики советского государства заключалась в том, чтобы «разбить старую церковную государственную машину» и не допустить создания «в недрах социалистической республики» «капиталистической церковной организации со своей бюрократией, школами, догматами, юрисдикцией и т. п.»¹⁶. Такой подход, исключавший возможность компромисса в отношениях с Церковью, и был положен в основу дальнейших мероприятий власти в религиозной сфере.

В конце августа 1918 года Народный комиссариат юстиции принял инструкцию о порядке проведения в жизнь Декрета об отделении Церкви от государства. Этот документ последовательно развивал все основные положения январского декрета в направлении дальнейшего ограничения деятельности религиозных организаций. В частности, в нем нашли подтверждение положения о лишении церковных и религиозных обществ прав юридического лица и владения собственностью и о переходе всего церковного имущества в собственность государства. Все небогослужбное церковное имущество и капиталы подлежали изъятию в двухмесячный срок.

Храмы и богослужебные предметы переходили в ведение местных советских органов власти, которые в дальнейшем могли передавать их в бесплатное пользование на основании договора группам верующих числом не менее 20 человек. Однако, регламентируя порядок такой передачи, инструкция совершенно игнорировала существующую иерархическую централизованную церковную организацию. Положения инструкции ставили вне закона любые формы церковной просветительской и благотворительной деятельности. Преподавание вероучительных дисциплин допускалось лишь в специальных богословских учебных заведениях¹⁷.

24 августа (6 сентября) Поместный Собор заявил в связи с этим энергичный протест Совету народных комиссаров, в котором констатировал, что инструкция Народного комиссариата юстиции «ставит Православную Церковь пред лицом неизбежного исповедничества и мученичества, а российскую коммунистическую власть обрисовывает как власть, сознательно стремящуюся к оскорблению религиозных чувств народа». В заключении содержалось требование «немедленно отменить действие данной инструкции и пересмотреть ее при участии представителей Православной Церкви, а до того времени приостановить применение и самого декрета от 23 января во всем его объеме»¹⁸.

Когда обсуждался вопрос, какую позицию должна занять Церковь в отношении к требованиям августовской инструкции, члены Собора высказывали самые различные мнения. Многие ораторы заявляли, что Церковь должна стоять на позиции непризнания и бойкота положений инструкции. Вместе с тем были и сторонники противоположного подхода, считавшие, что в целях сохранения храмов и церковных святынь в фактическом ведении духовенства и верующих нужно разрешить им вступать в соглашение с представителями советской власти. Суть этой позиции сформулировал архиепископ Коломенский Иоасаф (Каллистов): «Нам лучше и целесообразнее не отрицать закон, хотя бы безбожный, а приспособляться к тому положению, которое создается с введением его, если нет надежды на его изменение»¹⁹.

30 августа (12 сентября) Собор принял Постановление об охране церковных святынь

от кощунственного захвата и поругания. Оно свидетельствовало о принципиальном непризнании Собором законности национализации церковного имущества. В постановлении заявлялось, что «святыне храмы и часовни со всеми священными предметами, в них находящимися, суть достояние Божие, состоящее в исключительном обладании Святой Божией Церквью в лице всех православно-верующих чад ее, возглавляемых богоучрежденной иерархией. Всякое отвержение сего достояния от Церкви есть кощунственный захват и поругание». Вместе с тем соборное постановление продемонстрировало готовность Церкви к частичному выполнению положений августовской инструкции. Оно допускало принятие храмов и богослужебных предметов от представителей советской власти верующими, но «не случайными соединениями лиц, именующих себя православными», а лишь приходами, братствами и иными церковными организациями, с разрешения епархиального архиерея, «на общих церковно-канонических основаниях»²⁰.

С осени 1918 года процесс национализации церковного имущества шел полным ходом на территории губерний, находившихся под контролем советской власти. В этих обстоятельствах как высшая церковная власть, так и в целом духовенство и верующие на местах были поставлены перед необходимостью признавать

и исполнять требования советского религиозного законодательства. Православной Церкви в России отныне предстояло осуществлять свое служение в новых правовых условиях советской действительности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. 13 июня.
- ² См.: Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. М., 1918. Вып. 2. С. 6–8.
- ³ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 6. М., 2016. С. 164.
- ⁴ Там же. С. 273.
- ⁵ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 277. Л. 138.
- ⁶ Обстоятельный историко-правовой анализ декрета см.: *Шершнева-Цитильская И. А.* Правовой статус Русской Православной Церкви в Российском государстве (1905–1945 гг.). М., 2011. С. 105–122.
- ⁷ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. М., 1918. Кн. VI. С. 71–73.
- ⁸ Там же. С. 139–140.
- ⁹ См.: Церковные ведомости. 1918. № 7–8. С. 32–35.
- ¹⁰ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 554. Л. 203.
- ¹¹ Подробнее об этом см.: *Шкаровский М. В.* Александро-Невская Лавра в год революционных потрясений (1917–1918) // Христианское чтение. 2010. № 1. С. 6–33.
- ¹² См.: Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. М., 1918. Кн. VI. С. 33–34.
- ¹³ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 25.
- ¹⁴ Подробнее см.: Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Пг., 1918. Кн. IX. Вып. 1. С. 25–31.
- ¹⁵ Заявления делегации Собора в Совет народных комиссаров от 14/27 марта и 6/19 апреля 1918 г. см.: Отделение Церкви от государства и школы от Церкви в Советской России. Октябрь 1917–1918 гг.: Сборник документов. М., 2016. С. 154–155, 156–159.
- ¹⁶ См.: *Красиков П. А.* Советская политика в религиозном вопросе // Революция и церковь. 1919. № 1. С. 1–3.
- ¹⁷ См.: Отделение Церкви от государства и школы от Церкви в Советской России... С. 173–183.
- ¹⁸ Там же. С. 194.
- ¹⁹ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 2000. Т. 11. С. 61.
- ²⁰ См.: Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. М., 1918. Вып. 4. С. 28–30.

ПРОЕКТИРУЕМ ХРАМЫ

Бюро архитектурно-строительного проектирования «АС про»
 телефон +7(918)406-41-70 e-mail: info-aspro@mail.ru www.aspro.ortox.ru

